

Е Юй, который был без сознания, внезапно напрягся, его лицо исказилось от боли, и он пробормотал сквозь зубы:

— Малыш...

Чао Минь замер. Е Юй, казалось, не осознавал, что уже в безопасности, и слабо, с отчаянием прошептал:

— Держи...

У него не было сил, он даже не был в сознании, но его рука все еще медленно и неуверенно искала что-то, будто он боялся, что не сможет ухватиться за него.

Чао Минь не мог понять, что это за чувство. Что-то похожее на тревогу, но более мучительное, обвилось вокруг его сердца, превращаясь в удушающую боль, которая сжимала его грудь и мешала дышать. Он не мог смотреть, как Е Юй страдает. Когда он осознал свои действия, было уже поздно: он крепко сжал руку Е Юя, и тот успокоился, его лицо, испачканное кровью, выражало удовлетворение, и он снова погрузился в глубокий обморок. Чао Минь молча смотрел на него, его холодный, наполненный гневом взгляд мог бы заставить заплакать любого бойца.

Тревога усиливалась, и Чао Минь вдруг гневно крикнул носильщикам за пределами паланкина:

— Быстрее!

Если они будут двигаться так медленно, Е Юй умрет, прежде чем они доберутся до места.

Когда паланкин, наконец, исчез за горизонтом, человек с флейтой холодно усмехнулся в сторону Врат Куньлунь, махнул рукой и сказал:

— Возвращаемся.

Сюэ Жун, в свою очередь, также отдал приказ:

— Отступаем, возвращаемся в храм.

В мгновение ока обе стороны исчезли, лед растаял, и место у водопада Единой Цепи вернулось к своему обычному состоянию. Водопад снова грохотал, как будто ничего не произошло.

На следующий день слухи о столкновении Врат Куньлунь и Учения Света у водопада Единой Цепи, которое чуть не переросло в крупный конфликт, распространились по всему миру, и все обсуждали, кто же одержал победу.

Сейчас напряженность между Вратами Куньлунь и Учением Света достигла предела, и все внимательно следили за этим противостоянием, которое могло изменить баланс сил в мире.

Любое действие любой из сторон могло вызвать волну последствий.

Но все эти войны и конфликты не имели никакого отношения к Е Юю, потому что он все еще находился в кошмаре. Ему снилось, что он то погружался в кипящую лаву, то оказывался в ледяной воде Антарктики, едва успевая перевести дыхание, как земля начинала трястись, и землетрясение заваливало его обломками, ломая кости. В общем, он был в аду, где не мог ни жить, ни умереть.

Е Юй изо всех сил пытался вырваться из этого ада, и, наконец, избавившись от мучительной боли, обнаружил, что вернулся в начало сна — в темную, глубокую пещеру с множеством ответвлений. В прошлый раз он пошел направо и чуть не умер от ужаса, поэтому теперь решил пойти налево.

Сны — странная штука. Они бесконечны, и часто человек не осознает, что спит. Но Е Юй с удивлением понял, что это сон, и притом настолько яркий и пугающий, что казался реальным.

Он вошел в узкую, темную тропинку внутри пещеры, было сыро и холодно. Хотя он знал, что это сон, Е Юй все же потер руки, пытаясь согреться.

Нельзя ли просто представить себе теплую шубу? В конце концов, это всего лишь кошмар.

Наконец, он вышел из тропинки и увидел перед собой глубокий пруд. Вода в нем была странного цвета, и, приблизившись, Е Юй заметил, что прозрачная поверхность стала мутной, а по ней распространялись большие пятна холодной, красной крови.

Этот огромный пруд крови напоминал бойню.

Е Юй с ужасом провел рукой по затылку, чувствуя, как волосы встают дыбом. Рядом с ним прошли несколько людей в масках, двигавшихся тихо и настороженно. Никто из них не заметил Е Юя, и один из них даже прошел сквозь него.

Это всего лишь сон. Как человек, насмотревшийся современных ужастиков, триллеров и фильмов о зомби, Е Юй не особо испугался. Поэтому он не спеша последовал за масками, потому что этот сон был слишком длинным, и ему уже стало скучно.

Маски остановились у другого края пруда, молча окружив каменный алтарь, будто готовясь к какому-то ритуалу.

Е Юй, скучая, встал на цыпочки, чтобы заглянуть через плечи других, и первым делом увидел цепи. Он никогда не видел такого количества железных цепей, сотни и тысячи их переплетались, выходя из стен пещеры и образуя несколько толстых жгутов, которые сходились в центре алтаря.

В центре алтаря висел ребенок, опутанный цепями. Его ноги не касались земли, руки были скованы, а голова опущена, лицо скрыто под спутанными волосами.

Хотя это был всего лишь сон, Е Юй впервые увидел сцену насилия над ребенком.

Сон продолжался, и из толпы замаскированных людей вышел мужчина. Он произнес:

— Ритуал начинается.

Как только он заговорил, ребенок, висящий в цепях, словно мертвый, вдруг усмехнулся. Его смех был зловещим и странным, наполненным холодом. Этот звук мог бы стать саундтреком к фильму ужасов.

Мужчина на алтаре, казалось, не обратил на это внимания. За ним следовали несколько замаскированных людей, каждый из которых держал поднос. Е Юй заглянул и увидел, что на одном из них лежат инструменты, похожие на хирургические, на другом — чаша с разноцветной жидкостью, а на третьем — прозрачные нити. Были и другие предметы, которые он не мог разглядеть.

Мужчина подошел к ребенку и быстрым движением взял острый нож, разрезав его кожу.

Это был настоящий кошмар, и притом с элементами запрещенного насилия. Е Юй обнаружил, что не может пошевелиться, и с ужасом наблюдал, как ребенка режут, вырывают плоть, вытягивают сухожилия, а кровь льется потоками, окрашивая воду в пруду в еще более мутный цвет.

И все это время ребенок, которого препарировали без анестезии, не издал ни звука, даже не поднял головы.

Е Юй впервые был рад, что это всего лишь сон. Он видел, как тот извращенец втыкал прозрачные нити в руки ребенка, и звук иглы, проникающей в плоть, был леденящим.

Это было даже страшнее, чем сцены с пытками в фильмах. Е Юй почувствовал, как у него заболели зубы, и задался вопросом, почему ему снится такой извращенный сон. Может, это из-за того, что он давно не встречался с девушками, и его подсознание, наконец, сошло с ума, выдавая такие кошмары?

— Ты станешь самым сильным оружием, непобедимым, ха-ха-ха, — засмеялся мужчина, занимавшийся препарированием, его руки были в крови, а лицо искажено от восторга.

Е Юй молча отступил. Это слишком извращенный сон, он точно не стал бы издеваться над ребенком. И фраза «непобедимый» — это же просто подростковый бред из аниме! Следующей фразой будет: «Ха-ха-ха, я уничтожу мир!»

Возможно, из-за смеха Е Юй заметил, что ребенок пошевелился, медленно поднял голову. Это движение было неестественным и напряженным, как будто Каяко выползала из шкафа. Затем Е Юй увидел лицо, скрытое под мокрыми волосами. На его изящных чертах выделялась ярко-красная родинка, а густые черные ресницы отбрасывали тени на бледную, болезненную кожу.

Казалось, ребенок почувствовал взгляд Е Юя, и его глаза, мертвые, как болото, наполненные тьмой, открылись. В них не было ни капли эмоций, только зловещая пустота, способная раздавить любого, кто посмотрит в них.

Е Юй замер, смотря на него.

Как будто притянутый взглядом Е Юя, ребенок посмотрел прямо на него.

Е Юй не выдержал и дрожащим голосом произнес:

— Малыш?

Это бледное, безжизненное лицо принадлежало первому человеку, которого он встретил в этом мире.

Едва он произнес эти слова, сон оборвался, и Е Юй с криком погрузился в темноту, снова оказавшись в аду, где его мучили то жар, то холод.

Этот кошмар оказался слишком длинным, и Е Юй отчаянно пытался вырваться из него.

Чао Минь резко открыл глаза, его зрачки были красными, как кровь. Он сидел в горячем источнике, окруженный паром. Е Юй лежал без сознания у него на руках, его дыхание было почти неслышным.

<http://bllate.org/book/15304/1352601>